

Д. А. Баринов, В. А. Лебедев

От батрака до директора института: жизненный путь историка Отто Августовича Лидака

***Баринов Дмитрий
Андреевич***

канд. ист. наук,
науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет;
науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
институт истории
РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

***Лебедев Вячеслав
Анатолевич***

магистрант,
Европейский
университет
в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург,
Россия)

Первая половина XX в. как никакой другой период истории страны наполнена событиями грандиозного масштаба. Колоссальные общественные перемены отразились на судьбах миллионов людей, заставляя их проходить через испытания, которые они и не могли предполагать. Насыщенные биографии многих исторических личностей того времени хорошо изучены, многие, в силу меняющейся конъюнктуры, оказались незаслуженно забыты. Один из ярких примеров того, как прижизненный статус человека может не соответствовать его месту в биографии, — Отто Августович Лидак. За первые три десятилетия XX в. он прошел путь от батрака и водопроводчика до одного из самых влиятельных партийных историков Ленинграда и главы нескольких институтов. Данная статья призвана восстановить жизненный путь О. А. Лидака и определить его вклад в изучение истории большевистской партии.

Отто Августович Лидак родился 31 августа 1891 г. в имении Голговск (Валкский уезд Лифляндской губернии) в латышской семье крестьянина-батрака. В возрасте 9 лет он был отдан сначала в училище, а затем «в услужение к кулаку пастухом»¹. Так протекала его жизнь вплоть до 12 лет: зимой — учеба, летом — работа на пастбище. После окончания волостной школы он хотел продолжить

учиться, однако родители не имели достаточных средств для отправки его в город, поэтому приходилось заниматься крестьянским трудом. Сам О. А. Лидак описывает это так: «Помню, как много раз при тяжелой работе, когда копал канаву или косил сено, от тяжести труда плакал, как маленький ребенок, а хозяин ругал меня и просил рассчитать»².

В 1903 г. на территории современной Латвии начала действовать Латвийская социал-демократическая партия, а в 1904 г. ее прокламации впервые попали в руки О. А. Лидака, и он постепенно стал втягиваться в революционное движение. Во время Первой русской революции Лидак работал в имении Алсупес Венденского уезда, где в 1905 г. присоединился к крестьянской стачке. Был свидетелем карательных экспедиций, которые «по ночам стали сжигать усадьбы участников революции».

С весны 1906 по 1909 г. он вместе с отцом работал издольщиком у зажиточных крестьян, после чего снова стал батраком, что, отмечает О. А. Лидак, оказалось выгоднее. Батрачество привело его в усадьбу Геви, относящуюся к Тирзенской волости, где в то время существовала группа социал-демократов. Несмотря на то что группа была далека от активных действий и стояла на позициях ликвидаторства, именно здесь в 1911 г. О. А. Лидак вступил в партию. Однако, по его собственному признанию, настоящая подпольная работа началась для него только после переезда в Ригу в 1912 г. Многих товарищей О. А. Лидака по ячейке впоследствии сослали в Сибирь. В Риге он участвовал в работе кружков (иногда проходившей за городом), занимался распространением нелегальной литературы. В это же время О. А. Лидак работал молотобойцем на мебельной фабрике, откуда его уволили после того, как в январе 1913 г. он отсидел один месяц за участие в демонстрации. В дальнейшем служил водопроводчиком при постройке домов, однако после очередной стачки вновь был уволен.

10 февраля 1914 г. О. А. Лидака арестовали. В ходе обысков в его квартире обнаружили номера нелегальной газеты «Циня», а также листы Красного Креста и разные бумаги, связанные с партийной отчетностью. Возможно, свою роль сыграло наличие среди рижских латышей провокатора. Находясь в заключении в Риге, Лидак участвовал в обструкции, устроенной тюремному начальству, затем, уже в губернской тюрьме Пскова, получил трое суток карцера³. После восьмимесячного ареста его осудили за участие в революционной деятельности и сослали на поселение в Сибирь. Сначала ссыльный жил в селе Червянское Канского уезда Енисейской губернии, затем в селе Уярское той же губернии. В ссылке занимался починкой мостов, «работал у крестьян»; переехав в Минусинск, получил должность приказчика на колбасном заводе⁴. Там его и застала Февральская революция.

Попав под амнистию, О. А. Лидак поступил на службу начальником участка милиции. Вскоре от Комитета освобождения он получил пособие и бесплатный билет в столицу, а в Петрограде — комнату в общежитии и пособие⁵. Участвовал в работе V съезда Социал-демократии латышского края в июле 1917 г. На съезде был утвержден курс на социалистическую революцию, осуждены меньшевистские течения. После съезда вернулся в Валк, стал работать в местном уездном совете в должности секретаря⁶, а также на должности старшего милиционера⁷.

В дни Октябрьской революции выпускал бюллетени с поддержкой восстания в Петрограде, а в начале 1918 г. вошел в состав Исполнительного комитета Советов Латвии. Во время оккупации Латвии немецкими войсками О. А. Лидак находился в Валке, откуда ему пришлось бежать, чтобы не попасть под репрессии. Путь его пролегал через Эстонию — сначала мимо города Феллин, а затем мимо Гдова. Очевидно, перемещаться ему приходилось пешком или с попутчиками, так как недлинный путь занял почти неделю. Из Петрограда ВЧК перевела Лидака в Оренбург, где он поступил на работу в Губисполком. Так началась малоизвестная, но оттого не менее захватывающая история его странствий по Средней Азии и Кавказу.

В июле советские войска и правительственные учреждения эвакуировались из Оренбурга в Ташкент и Актюбинск. Из Ташкента О. А. Лидак отправился с поручением в Москву, однако, проезжая через Закаспийский регион, был арестован на станции Мерв и 20 июля 1918 г. помещен в тюрьму Ашхабада, который тогда находился под контролем эсеров. Во время допросов выдавал себя за технического работника Губисполкома, никак не связанного с политической и революционной деятельностью. После того как власть в городе сменилась и в Ашхабад вошли англичане и белая армия, заключенного допросили заново и ему удалось убедить новое начальство, что его арестовали только за наличие двух паспортов. Очевидно, в царящей неразберихе версию Лидака сочли убедительной, и он получил только пять месяцев тюрьмы за подделку документов: уголовное, а не политическое обвинение, вероятно, спасло его от расправы. Отсидев положенный срок, О. А. Лидак вышел на свободу, однако у него не было ни денег, ни паспорта, потерянного мировым судьей. Таким образом, он оказался лишен каких-либо средств для побега. Тогда Лидак решил поступить на службу к белым, чтобы восстановить документы и вернуться к красным. На службе в белой армии он пробыл пять недель. За это время он часто выполнял обязанности караульного в тюрьме и тюремной больнице, что помогло ему сблизиться со многими политическими заключенными. Тогда же в Ашхабад перевезли из Баку А. И. Микояна и сына С. Г. Шаумяна, с которыми Лидак быстро сблизился, обсуждая планы побега и организации революционного подполья⁸. Этому во многом способствовало то, что А. И. Микоян переживал цингу и длительное время провел в больнице: «В Ашхабадской областной тюрьме заболевание моих десен сильно обострилось: сказалось исчезновение лука из пищевого рациона. Друзья потребовали от начальства, чтобы меня немедленно перевели в больницу. Через день наше требование выполнили»⁹.

Находясь на положении внедренного агента, О. А. Лидак устраивал свидания арестантов с членами Бакинского партийного комитета, организовал местную партийную группу. Последнее, очевидно, явилось результатом влияния А. И. Микояна¹⁰. Он вспоминал: «Я стал его (Лидака. — Д. Б., В. Л.) расспрашивать о том, какие коммунистические организации есть в Ашхабаде и имеет ли он с ними связь. Он сказал, что о таких организациях ему ничего не известно. Тогда я попросил его, а также Артака и Топуридзе во что бы то ни стало нащупать связи с подпольными коммунистическими организациями Ашхабада, потому что я не допускал мысли, чтобы таких организаций в Ашхабаде не было».

Воспоминания А. И. Микояна — единственный источник, который позволяет оценить личные качества Лидака: «С ясным, подкупающим своей честностью взглядом синих глаз Лидак сразу располагал к себе»¹¹. В течение нескольких недель Лидак дважды отпускал Микояна в город, прикрывая его отсутствие.

Партийная группа, созданная по распоряжению Микояна, не просуществовала долго. И без того малочисленная организация оказалась раскрыта. Поскольку Микояна неожиданно перевели из больницы в камеру, О. А. Лидаку пришлось бежать без него, но вместе с другим заключенным товарищем, армянским большевиком Артаком Стамболцяном.

В феврале 1919 г. Лидак приехал в Баку, где исполнял обязанности агитатора-пропагандиста Бакинского комитета. Вскоре его отправили в прибрежный город Ленкорань, где избрали главой местного совета; работал также в Мугани — тогда на этих территориях была провозглашена Муганская советская республика. Летом 1919 г. советские войска под давлением белых и интервентов отступили, тогда часть большевиков, в их числе О. А. Лидак, оказалась в приграничном персидском городе Бендер-Гез, где их настигла английская эскадра. Значительная часть красноармейцев попала в плен, однако Лидаку вместе с пятью матросами удалось бежать на рыбацкой лодке. Высадившись в городе Красноводске, они скрылись в горах. Из-за отсутствия описания подробностей маршрута подобный путь кажется невероятным, так как охватывает более полутора тысяч километров, т. е. почти все южное побережье Каспия. Однако все передвижения в ходе Гражданской войны, описанные О. А. Лидаком в личном партийном деле, подтверждались свидетельствами очевидцев, в том числе самим А. И. Микояном.

Находясь в Туркмении и не имея возможности передвигаться легально, О. А. Лидак с товарищами совершил переход более чем в 300 км до железнодорожной станции Бами. На середине пути была только одна длительная остановка на ст. Казанджик, где в течение недели их прятал в шахте и кормил сторож, сочувствовавший большевикам. Весь побег продлился почти полтора месяца — с конца июля по 10 сентября. Жара, жажда и долгий пеший путь через горы и пустыни подточили силы Лидака, и по возвращении в Баку он получил длительный отпуск. В самом конце Гражданской войны, в первые месяцы 1920 г., его перевели в Харьков, где он организовывал специальные курсы для латышей и до 1923 г. являлся председателем латышской секции ЦК КП(б) Украины; в 1923–1924 гг. был членом горсовета Харькова.

О поведении О. А. Лидака в ходе партийной борьбы 1920-х годов известно немного, однако ее эхо отозвалось в его биографии гораздо позднее, уже в следующем десятилетии, когда ему пытались вменить сочувствие троцкистам, ставшее предлогом для исключения из партии. Тогда же он попробовал разъяснить свое поведение: в действии оппозиции в 1923 г. он не видел большой опасности, поэтому высказывался за смягчение критики сторонников Л. Д. Троцкого, полагая, что все разногласия может разрешить грядущий партийный съезд. С платформой троцкистов он не был знаком и никаких заявлений не подписывал. Однако в характерном для 1930-х годов духе саморазоблачений О. А. Лидак все же признал, что его «обывательски-примиренческая

политика лила воду на мельницу троцкизма», за что он был отчитан коллегами по Основяно-Холодногорскому райкому Харькова¹². Видимо, О. А. Лидак все же относился к оппозиционерам не без сочувствия. Так, на первом допросе по делу 1936 г. (еще до признания в выдуманных преступлениях) он говорил, что в 1927 г. возмущался аресту оппозиционеров, а также осуждал подавление внутривнутрипартийной демократии и репрессии против инакомыслящих¹³.

Наиболее подробный источник о карьере О. А. Лидака на рубеже 1920–1930-х годов весьма специфичен. Если восстановить хронологию его работы в многочисленных партийных и образовательных учреждениях помогают материалы личных дел, то о перипетиях, связанных непосредственно с трудовыми отношениями и особенностями его окружения, подробно говорится в записке, которую О. А. Лидак отправил в партбюро Ленинграда после исключения из партии в 1936 г. Разумеется, в такого рода текстах собственная вина, как правило, принижается, зато поведение окружающих рисуется преимущественно в мрачных тонах. Мы попробуем абстрагироваться от наиболее эмоциональных и потому часто спорных заявлений.

В 1924 г. О. А. Лидак переезжает в Москву и поступает в Институт красной профессуры (далее — ИКП), который оканчивает через четыре года. Получение высшего образования позволило ему начать преподавательскую деятельность. В Москве он преподавал в Институте народного хозяйства, Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. Переехав в 1928 г. в Ленинград, начал работать в Коммунистическом университете им. Сталина, Ленинградском отделении Коммунистической академии¹⁴ (далее — ЛОКА). В 1929–1930 гг. занимал должность доцента историко-лингвистического факультета ЛГУ, вел семинары по истории Октябрьской революции¹⁵. После окончания Института красной профессуры О. А. Лидак также работал над диссертацией «Октябрьская революция и Гражданская война в Прибалтике» и собирал материалы о революционном движении в Латвии, Литве и Эстонии. В этом деле ему помог революционер историк Я. К. Пальвадре, передав перевод документов правительства Эстонской трудовой коммуны. Отношения с Пальвадре негативно скажутся на судьбе О. А. Лидака несколько лет спустя¹⁶.

Остановимся на научной деятельности и публикациях О. А. Лидака. Его становление как историка-марксиста связано с учебой на историческом отделении ИКП¹⁷. Испытав большое влияние М. Н. Покровского и будучи участником одного из его семинаров, Лидак определяется с магистральной темой своих интересов — это революция 1917 г. в Петрограде и Прибалтике. Особенность образования заключалась в том, что, несмотря на специализацию, студенты получали обширные знания по мировой истории, связанные с вопросами мирового экономического развития и классовой борьбы в период, предшествовавший Октябрьской революции. Плоды такой подготовки видны как в статьях О. А. Лидака, так и в его выступлениях по более общим вопросам.

В одной из публикаций, посвященных дискуссиям общества историков-марксистов при ЛОКА, находим выступление Отто Августовича, касающееся проблемы формаций. Историк дает достаточно профессиональную оценку вопросов, выходящих за пределы его собственной темы, но ставших

фундаментом его методологии как ученика Покровского. Относительно последнего О. А. Лидак отмечал: «Конечно, у М. Н. Покровского есть некоторые перегибы, но из всех историков Покровский, как известно, является основоположником марксистской методологии в русской истории. Он создал свою школу историков-марксистов; мы, молодые историки-марксисты, его ученики, можем им гордиться»¹⁸.

Институт красной профессуры всячески способствовал развитию научной деятельности своих учеников: он сотрудничал с рядом крупных исторических журналов («Историк-марксист», «Под знаменем марксизма», «Вестник Коммунистической академии», «Большевик», «Пролетарская революция» и др.¹⁹), а также выпускал под своей эгидой сборники работ. В подобном сборнике опубликована одна из главных статей О. А. Лидака — «П. Н. Милюков как историк»²⁰. В этой работе О. А. Лидак разбирает научные труды ключевой фигуры отечественного либерализма начала XX в. Обращает на себя внимание метод ученого: большая часть статьи — прямые цитаты из работ Милюкова, которые изначально подаются без какого-либо идеологического комментирования. В рамках темы на суд читателя даются выдержки из работ Милюкова соответствующего периода — таким образом изначально обозначается точка зрения либерального историка. Уже после этого О. А. Лидак начинает последовательно разбирать нестыковки или передергивания в тексте, одновременно представляя и свою точку зрения.

Историк учитывает контекст написания Милюковым своих работ, анализирует разные редакции книг Милюкова, попутно отмечая, какие изменения внесены в поздние издания. Критика концепций Милюкова проводится в статье достаточно вдумчиво и с опорой на мнения других исследователей (среди них И. М. Кулишер, Н. П. Павлов-Сильванский, М. Н. Покровский и др.). Опираясь на воспоминания В. Д. Набокова, В. И. Шульгина, Н. Н. Суханова, О. А. Лидак демонстрирует непосредственную вовлеченность Милюкова в события, которые он описывает; показывает оценку его действий со стороны его соратников по политическому лагерю, давая понять, что в лагере критиков нет единства, а затем отводит место для нарратива Милюкова, соединяя его действия и его представления (т. е. описания) этих действий.

Так Лидак приходит к заключению, что, при всей известности его научных трудов, Милюков скорее политический деятель, нежели ученый²¹. За этим следуют два вывода. Первый говорит о том, что в Милюкове отразились все противоречия российской буржуазии, которая одновременно должна была бороться на два фронта: и против феодального самодержавия, и против революционного пролетариата²². Второй вывод носит более критический характер: работы Милюкова-социолога не имеют серьезного научного значения, Милюков-историк повторяет взгляды В. О. Ключевского, а в отношении истории революции Милюков проявил себя как «сознательный фальсификатор и гнусный клеветник»²³.

Работа О. А. Лидака выполнена в русле одной из важных образовательных практик ИКП — критики немарксистских научных теорий. В этом направлении работал и семинар М. Н. Покровского по историографии, одной из задач которого стало освещение идей того или иного автора как представителя своего

класса²⁴. Именно этот момент и подчеркивает О. А. Лидак, говоря о том, что Милюков интересен прежде всего как идеолог буржуазии²⁵. Отсюда вытекает и «обратное» использование работ Милюкова: О. А. Лидак хвалит историка за характеристику меньшевиков и эсеров, «на словах защищающих рабочих, а на деле полностью творящих политику буржуазии»²⁶. Здесь же подчеркивается, что сам Милюков признавал отсутствие поддержки Временного правительства со стороны рабочих и солдат²⁷.

Работы Лидака по истории революции можно разделить на две части: 1) небольшая книга «1917 г. Очерк истории Октябрьской революции»; 2) серия статей по истории революции, многие из которых стали частью книги.

Ключевая проблематика книги Лидака, вокруг которой выстраивается весь его анализ, — вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Лидак обращается к предшествовавшему мировой войне периоду, рассматривает противоречия между отечественной буржуазией и царским правительством²⁸. Текст богат фактическим материалом, хотя и изобилует ленинскими цитатами, выполняющими структурирующую роль; они нанизаны на то понимание предреволюционной истории, которое оформилось у Лидака во время обучения в ИКП.

Существенные моменты, объединяющие книгу о революции и статьи, — критика оппозиции и подчеркивание особой роли Сталина в период революции. Лидак объединяет позиции Троцкого, Бухарина, Шляпникова и других «троцкистских контрабандистов»²⁹ в одну группу, изначально противостоящую ленинским идеям. Защитником ленинской позиции является Сталин, чье имя часто идет в одной связке с Лениным:

Уже в рядах ВКП(б) Троцкий последовательно и упорно защищая свои взгляды, встал на путь прямой борьбы против партии, за что и был выброшен из рядов ВКП(б) и за контрреволюционную деятельность выслан из СССР. Троцкизм стал передовым отрядом международной контрреволюционной буржуазии³⁰.

На VI съезде огромную роль играл т. Сталин, которому вместе с т. Свердловым пришлось руководить съездом в чрезвычайно сложной обстановке. Громадные организационные и политические способности его уже тогда полностью обнаружались, и т. Сталин уже тогда выдвинулся как один из крупнейших вождей нашей партии и самый последовательный ученик Ленина (курсив О. А. Лидака. — Д. Б., В. Л.)³¹.

Еще одна особенность работ о революции — различные приметы времени. В статье, посвященной июльским дням, О. А. Лидак сравнивает судебный процесс Временного правительства против большевиков с судебным процессом о поджоге Рейхстага в Германии³². В другой статье обнаруживаются «козни социал-фашистов»³³. В статье 1927 г., посвященной июльским дням в Петрограде, О. А. Лидак сравнивает «оппортунистическое» отношение левой оппозиции к коминтерновскому курсу в Китае с позициями левого крыла большевиков в апреле 1917 г.³⁴

В книге Лидака подчеркивается особое значение Военной организации большевиков³⁵, а в статьях о революции, которые редактировал Лидак, также можно встретить имена впоследствии репрессированных В. И. Невского

и В. А. Антонова-Овсенко³⁶. Данные эпизоды во многом характеризуют период написания этих работ. Вряд ли можно говорить о том, что они целиком и полностью являются пропагандистскими, а их единственная цель — возвеличивание роли Сталина или создания мифа о нем, как о руководителе Октябрьского восстания. Тем не менее именно такие публикации стали серьезным подспорьем в дальнейшем оформлении сталинской историографии по вопросам революции и раннесоветской истории, предполагавшей четко определенный набор ответов и неизменную апологетику генсека.

В начале 1930-х годов научные занятия О. А. Лидака активно связаны с одним из магистральных направлений деятельности возглавляемого им Института истории ВКП(б) — публикацией сборников статей и мемуаров, посвященных революции 1917 г. В предисловиях и послесловиях О. А. Лидак отмечал важность подобных изданий для написания истории Ленинградской организации ВКП(б)³⁷ и разработки научной биографии Ленина³⁸.

К началу 1930-х годов О. А. Лидак зарекомендовал себя как плодовитый исследователь, двигавшийся в фарватере официальной революционной историографии. Неслучайно, что именно он был одним из ленинградских историков, которого планировалось привлечь к написанию второго тома истории партии, однако каких-либо следов участия О. А. Лидака в этом проекте не обнаружено³⁹.

Работы О. А. Лидака становились объектом критики рецензентов, которая, как нам удалось выяснить, иногда выступала продолжением корпоративных конфликтов. Так, например, было в случае с партийным историком А. Г. Пригожиным. В 1929 г. О. А. Лидак занял должность ответственного секретаря Общества историков-марксистов, через год его сменил А. Г. Пригожин, с которым у О. А. Лидака вскоре случился конфликт (последний считал, что его «подсидели»). Конфликт вылился за пределы общества и обсуждался на партийном заседании ЛОКА, так как оба являлись его сотрудниками. В итоге постановили «прекратить грызню», однако этого не произошло. А. Г. Пригожин разоблачал теоретическую слабость Лидака, доказывая, что тот не следует идеям марксизма⁴⁰. Сам О. А. Лидак выступал с обвинениями Пригожина в плагиате, но общество не поддержало его. Очевидно, конфликт продолжился и в ЛОКА. О. А. Лидак вспоминал: «Эта троица антипартийных элементов (Г. С. Зайдель, С. Г. Томсинский, А. Г. Пригожин. — Д. Б., В. Л.) все время меня третировала, не давала возможности работать, распространяла слухи, что я будто не способен вести научную работу и т. д.»⁴¹. Именно их О. А. Лидак обвинил в своем уходе из академии в 1933 г.

Пик карьеры О. А. Лидака пришелся на начало 1930-х годов: в 1931–1933 гг. он возглавлял Коммунистический институт журналистики, а в 1933–1936 гг. — Институт истории ВКП(б). Таким образом, О. А. Лидак стал одним из самых видных и влиятельных партийных историков Ленинграда. Другая сторона общественной деятельности О. А. Лидака — его членство в Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, где он оказался одним из представителей латвийского революционного движения. В 1935 г. Лидак выступил с докладом «Стратегия и тактика ЛСДРП в революционном движении в Прибалтийском крае в 1905–1906 гг.»⁴². В том же году общество распустили, что стало одним

из тревожных звонков для жителей знаменитого Дома политкаторжан на Троицкой площади, среди которых был и сам Отто Августович.

Находясь на посту директора Института истории ВКП(б), О. А. Лидак, помимо своей воли, оказался втянут в одно из самых знаковых событий тех лет. В апреле 1934 г. он уволил за отказ от мобилизации на транспортные работы Л. В. Николаева — будущего убийцу С. М. Кирова. Тотчас после убийства О. А. Лидака вызвали на допрос в НКВД, где он дал Л. В. Николаеву такие характеристики: «Он руководствовался исключительно личными мотивами, игнорирование партийной организации, нежелание дать серьезных объяснений по поводу отказа, невыдержанность, выражавшаяся в ругани, а также нежелание поступить куда-либо на работу после увольнения его из Ин[ститу]та и легли в основу данной мною ему отрицательной характеристики. По моим наблюдениям, Николаев человек болезненный, человек неуравновешенный и нервный»⁴³. В приобщенном к следственному делу дневнике Л. В. Николаева было обнаружено, что среди потенциальных жертв убийцы находился и сам Лидак, которого Л. В. Николаев считал виновником своего увольнения⁴⁴.

Неприятности продолжились и с началом нового года. 10 февраля 1935 г. О. А. Лидак получил строгий партийный выговор от Бюро Ленобкома ВКП(б) за «притупление бдительности при редактировании» пятого номера журнала «Красная летопись» за 1934 г., куда он допустил статьи бывших членов оппозиции⁴⁵. Но и эта «осечка» не сразу повлияла на его карьеру, так как он продолжал руководить Институтом истории ВКП(б).

8 августа 1936 г. О. А. Лидака исключили из партии как члена троцкистско-зиновьевской организации. В качестве оснований для обвинения приводилась история с выговором из-за публикаций Я. К. Пальвадре, А. Г. Пригожина, Н. Б. Бакланова, также отмечалась его якобы примиренческая позиция по отношению к троцкизму в 1923 г.⁴⁶ Дополнительным аргументом стало «заявление» (т. е. донос) заместителя заведующего отдела пропаганды Смольнинского района А. К. Курпатова, который «разоблачал лекции» О. А. Лидака, читанные им в Коммунистическом университете им. Сталина: «В своих лекциях, по сути, он делал замаскированные выпады против вождя нашей партии и всего трудящегося человечества. Так, например, читая лекцию на тему “Партия большевиков от февраля к октябрю”, лектор Лидак в течение 1½–2 часов старательно выискивал и излагал перед аудиторией будто бы существовавшие в тот период... ошибки т. Сталина до приезда в Петроград Ленина»⁴⁷. При этом сам А. К. Курпатов, будучи тогда студентом, с некоторыми товарищами якобы сделал О. А. Лидаку замечание, на что тот отметил необходимость для историка быть объективным.

О. А. Лидак попробовал оправдаться: 10 августа он направил в Ленинградский городской комитет ВКП(б) письмо с ответом на обвинения. Его разъяснения собственной позиции в 1923 г. мы приводили выше. Предполагаемые связи с троцкистами и зиновьевцами О. А. Лидак отрицал, характеризуя их как «неверные, вымышленные и клеветнические», а также подробно доказывал, что со всеми названными лицами он имел только поверхностные знакомства⁴⁸.

Отто Августович Лидак
Источник: ЦГАИПД СПб.
Ф. 1728. Оп. 1. Д. 337737.

На первых допросах в НКВД Отто Августович отрицал свою вину: «Я поддерживал знакомство со многими лицами, которые впоследствии были арестованы. Я понимаю, что это создает у следствия невыгодное для меня впечатление. Я признаю, что я проявлял политическую слепоту. Но, верьте мне, что о контрреволюционной организации мне ничего неизвестно»⁴⁹. Однако по мере продолжения следствия его «вина» становилась все более и более тяжелой. Сначала он признался, что был участником контрреволюционной организации в ее отделении при ЛОКА, целью которой было свержение партийного руководства. По поручению Г. С. Зайделя и А. Г. Пригожина он собирал сведения о настроениях коммунистов, однако в террористической деятельности не участвовал и о подготовке убийства С. М. Кирова ничего не знал⁵⁰. Спустя несколько дней О. А. Лидак превратился уже в главного исполнителя убийства: зимой — весной 1934 г. он выслеживал Кирова с намерением убить его по пути в Смольный. Однако в апреле, наконец встретив главу Ленинграда, не нашел в себе силы выстрелить⁵¹.

Довершением абсурдности следствия стало указание в обвинительном приговоре на то, что покушение было результатом директив гестапо, на которое, как предполагалось, работал историк. Отмечалось, что в заключительном слове О. А. Лидак «глубоко осознал всю тяжесть содеянного им. В свое оправдание сказать ничего не может, но надеется, что суд все же найдет возможным отнестись к нему снисходительно»⁵².

О. А. Лидак не был «контрреволюционером-одиначкой». Вместе с ним по сфабрикованному делу проходили историк-марксист З. Б. Лозинский, а также целый ряд менее известных обвиняемых⁵³. Все они были расстреляны в день оглашения приговора 6 ноября 1936 г.

Отстоять О. А. Лидака пыталась его супруга — Эмилия Павловна Рутенберг (1897 г. р.), педагог, участница революции, член большевистской партии с мая 1917 г. После ареста мужа у нее отобрали партийный билет и уволили с работы. В письме в партком, копия которого предназначалась И. В. Сталину, она рассказывала о своем отчаянном положении и выступала против клеветы в адрес мужа: «Неужели за 19 лет моего пребывания в партии я только и заслужила в советской стране оказаться без работы, и что мне остается окончить жизнь самоубийством, мне все это никак не понятно и не доходит до моего сознания»⁵⁴. Вскоре Э. П. Рутенберг была исключена из партии и выслана из Ленинграда. Однако она пережила эпоху репрессий и в 1957 г., проживая в г. Тырва, получила свидетельство о реабилитации мужа.

* * *

Жизненный путь О. А. Лидака — пример социальной мобильности, открывшейся для широких масс с установлением советской власти. О. А. Лидак

обладал всем необходимым капиталом для стремительного карьерного роста: происхождение, партийный стаж, связи, моральная и физическая стойкость, проявленные в годы революции и Гражданской войны. В то же время быстрое продвижение О. А. Лидака определялось острой нехваткой кадров, испытываемой большевиками в первые десятилетия после революции. Эта нехватка затрагивала и сферу высшего образования, которой уделялось особое внимание: на смену «старым» профессорам готовилась «красная» профессура, преподающая гуманитарные науки в марксистском ключе. Разумеется, скорость, с которой проводились перемены (например, О. А. Лидак всего за три года прошел путь от выпускника до поста директора научного института), часто сказывалась на уровне подготовки новой профессуры. Так и О. А. Лидак не оставил масштабных исторических трудов, но ему удалось подготовить целую серию публикаций, востребованных до сих пор. Многие обширные статьи историка не изданы ввиду его гибели, а их рукописи сохранились в фондах различных архивов⁵⁵. Кроме того, на О. А. Лидака возлагались не только исследовательские функции, он выступал своего рода «контролером» партийной истории, являясь редактором многочисленных сборников и монографий.

Примечательно, что, будучи убежденным коммунистом, О. А. Лидак мало вникал в ход партийных дискуссий 1920-х годов, определяющих для дальнейшего развития СССР. Очевидно, что его позиция сформировалась уже постфактум, т. е. после разгрома оппозиции. Трагизм фигуры О. А. Лидака состоял в том, что, будучи искренним «партийным» историком и участвуя в критике проигравших оппозиционеров, в своих работах он освещал многие темы, которые вскоре окажутся табуированными. Его деятельность в Обществе политкаторжан, высвечивание локальных особенностей революции 1917 г. явно свидетельствуют об этом. Таким образом, его труды — переходный этап для формирования выхолощенной историографии революции сталинского периода, увенчанной «Кратким курсом истории ВКП(б)». В целом принимая правила игры, в рамках которых историческая наука стала орудием текущей внутриполитической борьбы, Лидак действовал скорее по наитию, чем осознанно, как и многие современные ему партийные историки. Однако, несмотря на их научные заслуги, многие из этого уникального поколения историков, которое не просто исследовало революцию, но и являлось ее непосредственным участником, вскоре были уничтожены в ходе репрессий 1930-х годов.

¹ Автобиография [1930] // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 337737(1). Л. 12.

² Там же.

³ Анкета. 17 февраля 1929 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 506. Оп. 2. Д. 257. Л. 1–2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Автобиография [1930]. Л. 13.

⁷ Анкета. 17 февраля 1929 г. Л. 1–2.

- ⁸ См. подробнее: *Эсенов Р. М.* Большевистское подполье Закаспия. М., 1974. URL: <https://history.wikireading.ru/351146> (дата обращения: 01.09.2020).
- ⁹ *Микоян А. И.* Так было. М., 1999. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/01.html> (дата обращения: 01.09.2020).
- ¹⁰ См. об этом: *Эсенов Р. М.* Большевистское подполье Закаспия.
- ¹¹ *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. М., 1971. С. 291–292.
- ¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 337737(2). Л. 15.
- ¹³ Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и ЛО). Д. П-80091. Т. 1. Л. 7.
- ¹⁴ Личный листок по учету кадров // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 241. Оп. 2. Д. 3092. Л. 4 об.
- ¹⁵ См. подробнее: *Лидак О. А.* // Объединенный архив Санкт-Петербургского государственного университета. Ф. 1. Оп. 1917–1941. Д. 1768а.
- ¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 337737(2). Л. 19.
- ¹⁷ См. об этом: *Никуленкова Е. В.* Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е годы // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 113.
- ¹⁸ Спорные вопросы методологии истории: дискуссия об общественных формациях / под ред. Г. Зайделя [и др.]. Харьков, 1930. С. 144.
- ¹⁹ См. об этом: *Никуленкова Е. В.* Историческое отделение... С. 111.
- ²⁰ *Лидак О. А.* П. Н. Милюков как историк // Русская историческая литература в классовом освещении: сб. ст.: в 2 т. / под ред. М. Н. Покровского. М., 1930. Т. 2. С. 123–216.
- ²¹ Там же. С. 210.
- ²² Там же. С. 211.
- ²³ Там же. С. 212.
- ²⁴ См. об этом: *Никуленкова Е. В.* Историческое отделение... С. 114.
- ²⁵ *Лидак О. А.* П. Н. Милюков как историк. С. 212.
- ²⁶ Там же. С. 173.
- ²⁷ Там же. С. 174.
- ²⁸ *Лидак О. А.* 1917 г. Очерк истории Октябрьской революции. М.; Л., 1932. С. 16.
- ²⁹ Там же. С. 13.
- ³⁰ Там же. С. 68.
- ³¹ Там же. С. 77.
- ³² *Лидак О. А.* Июльские события // Октябрь в Петрограде: сб. ст. / под ред. О. А. Лидака. Л., 1933. С. 96
- ³³ *Лидак О. А.* Февральская революция в России // Через каторгу к пролетарской революции. «На волю». Л., 1932. Сб. 2. С. 26.
- ³⁴ *Лидак О. А.* Июльские дни в Петрограде в 1917 г. и тактика большевиков // Спутник коммуниста. 1927. № 13/14 (46/47). С. 110.
- ³⁵ *Лидак О. А.* 1917 г. Очерк истории... С. 118–119.
- ³⁶ См., напр.: *Корнатовский Н.* Партия и Октябрьское восстание в Петрограде / под ред. О. А. Лидака. Л., 1933. С. 27.
- ³⁷ *Лидак О. А.* [Предисловие] // Встречи с Лениным. Воспоминания рабочих и старых большевиков. Л., 1933. С. 3–4.
- ³⁸ *Лидак О. А.*: 1) [Предисловие] // Об Ильиче. Рабселькоровские заметки и воспоминания / под ред. О. А. Лидака. Л., 1934. С. 7; 2) [Предисловие] // Ленин как руководитель ленинградской организации большевиков / под ред. О. А. Лидака. Л., 1934. С. 2.
- ³⁹ *Зеленов М. В.* Источниковедческие проблемы истории текста «Краткого курса истории ВКП(б)» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. Т. 4: История. 2013. № 1. С. 28.
- ⁴⁰ См. подробнее: *Пригожин А. Г.* Учение К. Маркса и Ф. Энгельса о феодализме как общественной формации. Л., 1930.
- ⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 337737(2). Л. 18.

⁴² *Лидак О. А.* Стратегия и тактика ЛСДРП в революционном движении в Прибалтийском крае в 1905–1906 гг. // ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 507.

⁴³ Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ. Архивное уголовное дело № Н-11144 по обвинению Николаева Л. В. и других в убийстве С. М. Кирова. Т. 24. Л. 191–194. URL: <http://istmat.info/node/60130> (дата обращения: 10.09.2020).

⁴⁴ См. об этом: *Эгге О.* Загадка Кирова: убийство, развязавшее сталинский террор. М., 2011. С. 234.

⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 337737(2). Л. 2.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 5.

⁴⁸ Там же. Л. 16.

⁴⁹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и ЛО. Д. П-80091. Т. 1. Л. 6.

⁵⁰ Там же. Л. 23, 26.

⁵¹ Там же. Л. 27.

⁵² Там же. Т. 2. Л. 66.

⁵³ См. подробнее: *Брачев В. С.* Историк Залман Борисович Лозинский (1898–1936) // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 25.

⁵⁴ В комиссию партийного контроля [письмо Рутенберг Эмилии Павловны] // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 337737(2). Л. 20.

⁵⁵ *Лидак О. А.* Стратегия и тактика ЛСДРП...; Рукопись Лидака О. А. «Октябрьская революция в Латвии» // Латвийский национальный архив. Ф. 35. Оп. 14. Д. 38.

Статья поступила в редакцию 19 апреля 2020 г.

Рекомендована в печать 27 октября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Баринов Д. А., Лебедев В. А. От батрака до директора института: жизненный путь историка Отто Августовича Лидака // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 103–117. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.107>
УДК 94(47).084

Аннотация: Партийная история занимала ключевое место в реформе советской науки. Многие вчерашние революционеры, участники Гражданской войны, пройдя ускоренный курс подготовки, заняли должности профессоров и директоров вновь образованных институтов, где обучали новых, идеологически убежденных специалистов. Однако, несмотря на весомый вклад в развитие высшего образования довоенного СССР, значительная часть «красной» профессуры не смогла построить длительной карьеры, став жертвой репрессий 1930-х годов. Видным представителем того поколения был Отто Августович Лидак — один из главных партийных историков Ленинграда 1930-х годов, чья биография незаслуженно осталась без внимания исследователей. От Латвии до Минусинска и от Петрограда до Персии пролегал его жизненный путь во время революции и Гражданской войны. Обладая всеми необходимыми качествами (социальное происхождение, революционный опыт, связи и т. д.), О. А. Лидак в короткий срок смог построить успешную академическую карьеру. В разное время он возглавлял Институт истории ВКП(б), Коммунистический институт журналистики; являлся преподавателем Ленинградского отделения Коммунистической академии, Коммунистического университета, Ленинградского государственного университета, был активным членом Общества историков-марксистов, Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и др. Так он оказался причастен к работе всех крупных партийных институций, готовивших «просоветские» кадры. В статье не только восстановлены основные вехи биографии О. А. Лидака, но и рассмотрен его вклад в историографию русской революции. Трагизм фигуры О. А. Лидака состоял в том, что, будучи искренним «партийным» историком и участвуя в критике проигравших оппозиционеров, в своих работах он освещал многие темы, которые вскоре стали табуированными.

Ключевые слова: Гражданская война, русская революция, высшая школа, партийная история, биография, историография, репрессии, история науки.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект 19-011-00782А «Историческая наука Петрограда — Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография».

Сведения об авторах: **Баринов Д. А.** — канд. ист. наук, науч. сотр., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); barinovdima1990@yandex.ru | **Лебедев В. А.** — магистрант, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); vlebedev@eu.spb.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1А

FOR CITATION

Barinov D. A., Lebedev V. A. 'From a Farmhand to the Head of an Institute: Life of the Historian Otto Augustovich Lidak', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 1, 2021, pp. 103–117.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.107>

Abstract: The history of the Bolshevik party figured prominently in the reform of postrevolutionary Soviet science. After the Civil War, many revolutionaries who took accelerated special learning courses subsequently became professors and heads of newly organized academic institutions. Their aim was to prepare new ideologically strong specialists for the country. However, despite their considerable contribution to higher education in the pre-war USSR, a significant number of "red professors" became victims of repression in the 1930s. Otto Augustovich Lidak — one of the main Leningrad historians of the Bolshevik party in the 1930s — was a bright representative of this generation. As a Bolshevik in the Civil war, he traveled from Lithuania to the Siberian city of Minusinsk and from Petrograd to Persia. Having all the necessary qualities (social background, revolutionary experience, connections, etc.), O. A. Lidak was able to build a successful academic career within a short period. At various times, he was the head of the Institute of History of the CPSU(b) and the Communist Institute of Journalism. He was also a professor in the Leningrad branch of the Communist Academy, Communist University, Leningrad State University. Finally, he was an active member of the Society of Marxist Historians, the Society of Former Political Prisoners and Exiles, etc. Thus, he was involved in the work of all the major party institutions that prepared "pro-Soviet" cadres. This article considers the milestones of Lidak's biography and also explores his contribution to the historiography of the Russian Revolution.

Keywords: Civil war, Russian revolution, higher school, party history, biography, historiography, repression, history of science.

This research was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 19-011-007782A. "Historical science of Petrograd — Leningrad (1917–1934): centers, lines of research, collective biography".

Authors: **Barinov D. A.** — PhD in History, Research Fellow, St. Petersburg State University; Research Fellow, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); barinovdima1990@yandex.ru | **Lebedev V. A.** — Master Student, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia); vlebedev@eu.spb.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russia

European University at St. Petersburg, 6/1A, Gagarinskaya ul., St. Petersburg, 191187, Russia

References:

- Brachev V. S. 'Historian Zalman Borisovich Lozinsky (1898–1936)', *Obshchestvo. Sreda. Razvitiie*, no. 4, 2015. (In Russian)
- Controversial issues of the methodology of history: Discussion on social formations*, ed. by G. Zaidel' (Kharkiv, 1930). (In Russian)
- Ëgge Å. *Kirov's riddle: the murder that launched the Stalinist terror* (Moscow, 2011) (Rus. ed.).
- Esenov R. M. *Bolshevik underground in Transcaspia* (Moscow, 1974). (In Russian)
- Kornatovskiy N. *The party and the October uprising in Petrograd*, ed. by O. A. Lidak (Leningrad, 1933). (In Russian)
- Lidak O. A. 'Preface', *Lenin kak rukovoditel' leningradskoi organizatsii bol'shevikov*, ed. by O. A. Lidak (Leningrad, 1934). (In Russian)
- Lidak O. A. 'Preface', *Ob Il'iche. Rabsel'korovskiiye zametki i vospominaniia*, ed. by O. A. Lidak (Leningrad, 1933). (In Russian)
- Lidak O. A. 'Preface', *Vstrechi s Leninyim. Vospominaniia rabochikh i starykh bol'shevikov* (Leningrad, 1933). (In Russian)
- Lidak O. A. 'July events', *Oktyabr' v Petrograde*, ed. by O. A. Lidak (Leningrad, 1933). (In Russian)
- Lidak O. A. 'P. N. Milyukov as a historian', *Russkaia istoricheskaia literatura v klassovom osveshchenii*, ed. by M. N. Pokrovskii, in 2 vols, vol. 2 (Moscow, 1930). (In Russian)
- Lidak O. A. 'The February Revolution in Russia', *Cherez katorgu k proletarskoi revoliutsii. "Na volyu"*, vol. 2. (Leningrad, 1932). (In Russian)
- Lidak O. A. 'The July days in Petrograd in 1917 and the tactics of the Bolsheviks', *Sputnik kommunista*, no. 13/14 (46/47), 1927. (In Russian)
- Lidak O. A. *1917. History of the October Revolution* (Moscow — Leningrad, 1932). (In Russian)
- Mikoyan A. I. *It was* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Mikoyan A. I. *The Path of Struggle*, (Moscow, 1971). (In Russian)
- Nikulenkova E. V. 'The historical department of the Institute of Red Professors in the 1920s', *Modern History of Russia*, no. 1, 2014. (In Russian)
- Prigozhin A. G. *The doctrine of K. Marx and F. Engels on feudalism as a social formation* (Leningrad, 1930). (In Russian)
- Zelenov M. V. 'Source problems of the history of the text of the 'History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Short Course'', *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, vol. 4: *Istoriia*, no. 1, 2013. (In Russian)

Received: April 19, 2020
Accepted: October 27, 2020